

Спорт и театр в древнем мире в рамках культа, идеологии и политики города-государства

Иоанна Караману

АННОТАЦИЯ

Цель. На примере некоторых античных трагедий показать тематическое и идеологическое взаимодействие спорта и драмы в Древней Греции.

Методы. Анализ и обобщение литературных источников, отображающих развитие древнегреческого общества.

Результаты. Проведенные исследования свидетельствуют, что развитие спорта было непосредственно связано с религиозными ритуалами, которые переросли в театральные представления.

Заключение. Обращение к античному наследию свидетельствует об культовых, организационных и политических особенностях, общих для театральных и спортивных действий.

Ключевые слова: Древняя Греция, культ, состязания, атлетика, театр.

ABSTRACT

Objective. To demonstrate thematic and ideological interpenetration of sport and drama in ancient Greece using some ancient tragedies as an example.

Methods. Analysis and generalization of literary sources reflecting the development of ancient Greek society.

Results. Carried out studies demonstrate that sport development was directly associated with religious ceremonies, which have transformed into theatrical performances.

Conclusion. Addressing ancient heritage is indicative of cultic, organizational and political peculiarities common for theatrical and sporting performances.

Key words: ancient Greece, cult, competitions, athletic, theatre.

Статья имеет двойной характер: прежде всего, она нацелена на изучение двух основных аспектов классической традиции древнего театра и спорта в диапазоне их общего контекста и параллельных путей развития. Затем мы рассмотрим отдельные примеры того, как спортивные соревнования нашли отражение в перформативном искусстве поэзии и драмы.

Первым общим знаменателем древнегреческих спортивных и театральных праздников являлся культ, ибо все события происходили в культовом контексте [19, 26]. Панэллинские игры, а именно Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские, находились под покровительством бога, в честь которого устраивалось празднество. Величайшим моментом для участников было прибытие процессии на место его проведения. Примечательно, что, начиная с Олимпиады 472 г. до н. э., один день – третий из пяти дней празднования – был полностью посвящен жертвоприношениям. В конце Игр во внешнем дворе храма Зевса чувствовали победителей. Спортсмен воспринимал свой успех как милость бога, которому посвящен праздник, вследствие чего любое нарушение правил Игр, нечестное поведение или злоупотребления расценивались как акт кощунства и преступления по отношению к богу [9, 24].

Развитие спорта было непосредственно связано с религиозными ритуалами, например с обрядом поклонения богам плодородия, а также с культом таких героев как Геракл и Тесей – легендарных основателей Олимпийских и Истмийских игр, соответственно.

Самое раннее подробное описание занятий спортом у греков сделано Гомером в Илиаде в Книге 23. Это рассказ о погребальных играх в честь Патрокла. До нас дошли упоминания, по крайней мере, 33 героев, в честь которых в Древней Греции устраивали погребальные игры, включая иконографическое изображение состязаний в честь Пелея на ларце Кипсела в Олимпии, описанное Павсанием. Погребальные спортивные состязания выполняли важную ритуальную

функцию. Траур по умершему предполагал осквернение, ибо он тесно связан со смертью. Поскольку присутствующие на похоронах участники погребального ритуала находились в лиминальном, метафизически оскверненном состоянии, им необходимо было совершить очищение путем регулярного выполнения обряда, ослабляющего связь между мертвым и живыми, снимая скверну, окружающую скорбящих по умершему. Таким образом, погребальные игры ведут к реинтеграции сообщества живых и возобновлению структуры общества, охваченного трауром.

Второй общий знаменатель – это происхождение драмы, которая является чисто ритуальным действием. Самое раннее и надежное свидетельство рождения жанра дает Аристотель в «Поэтике» [2], где сообщается, что и трагедия и комедия возникли из импровизированных песен в честь бога Диониса: первая – из хвалебных действий, а вторая – из фаллических процессий. Трагедия из дифирамбов (восхвалений) переросла в отдельный поэтический жанр, изменяя его более раннее сатирическое содержание, возвышаясь и достигая великолепия. В сохранившихся литературных и иконографических обработках мифа о Дионисе его культ описывается как экстатическая религия, которая освобождала от уз ограничений, налагаемых цивилизованной жизнью, что позволяло временно вернуться к природе [15]. Идея такого возвращения тесно связана с культом Диониса (Вакха) как бога плодородия, что свидетельствует о возможности провести параллель между происхождением драмы из дионисийского ритуала и возникновением спортивных состязаний из вышеупомянутого ритуала воспеваания богов плодородия. В то же время вакханический экстаз является необходимым условием актерской и ролевой игр, с использованием театральных масок и переодевания, что происходило во время вакханалий [14, 17, 20].

Драматические состязания в Афинах проходили в рамках празднований в честь бога Диониса: городских (больших) диони-

сий, сельских (малых) дионисий и ленаи, сопровождавшихся драматическими представлениями [21]. Конкурсу драмы предшествовало приношение в жертву Дионису козла и шествие к театральной зоне, где была установлена статуя бога. Пьесы воспринимали, как если бы они выполнялись в его присутствии и были обращены непосредственно к нему, при участии жрецов, сидящих в первом ряду почетных мест, которые называли *проэдрии*. Во время драматического представления актеры сами считались участниками культа, подобно тому, как успех спортсменов расценивался как дар бога, которого почитают на каждом спортивном празднике [1].

Оба вида состязаний – атлетические и драматические представления – предполагали соревнование, принцип которого, положенный в основу обоих видов состязаний, точно подметил Найджел Спайви [28], который проводит красноречивую параллель между атлетическим и поэтическим агонем: «Исторически по-прежнему невозможно доказать, что когда-либо имело место соперничество лицом к лицу между двумя бардами, Гомером и Гесиодом; ближе всего друг к другу они, вероятно, находились лишь в виде статуй в Олимпии», по свидетельству Павсания. Действительно, значительное количество классических текстов, особенно драматических, являются повествованиями о состязаниях. Замысловатая параллель Спайви служит, чтобы подчеркнуть основную особенность классической греческой культуры, которая пронизывает драматические и спортивные состязания: любовь к соревнованиям там, где они возможны, и стремление «быть лучшим» благодаря проявлению наибольшего превосходства (*aristeia* по-гречески).

Представления о том, что соревнование занимало центральное место в сознании греков, сформулировал Якоб Буркхардт в своих лекциях, которые читал в университете Базеля в 1870-х годах [5]. Исследования многочисленных литературных источников древности, имеющих отношение к спорту, подтолкнули его к обобщающему выводу о том, что соперничество является основой театральных представлений, философских диалогов, политического карьеризма и научных изысканий, т. е. почти каждая отрасль деятельности в Древней Греции была проникнута идеями приложения усилий, борьбы и стремления к победе.

Третий общий знаменатель для драматических и атлетических соревнований – политический аспект [6, 12, 13]. Каждый город-государство отождествлялся с победой его граждан. С начала VI в. до н. э. города начали создавать специальные места для занятий своих атлетов и предлагать победителям разнообразные вознаграждения, что говорит о значении, которое придавалось соревнованиям, и высоком уровне развития гражданской идеологии в Древней Греции. В частности, в Афинах победителей Олимпийских игр по возвращении в родной город ждало пышное празднество и эскорт из грандиозного триумфального шествия сограждан. Им предоставляли почетные места на праздниках, питание за общественный счет и дорогие подарки, их статуи воздвигали в святилищах, а подвиги находили отражение в публичных памятных надписях [10].

Очень важной с точки зрения политики города-государства является идея панэллиннизма, которая с VIII в. до н. э. стала развиваться и преобладать над представлениями о принадлежности к местным сообществам [22, 25]. Важными показателями этого, наряду с Дельфийским оракулом и Гомеровским эпосом, являются Олимпийские игры. Впоследствии, в течение VI в. до н. э. Пифийские, Истмийские и Немейские игры были объединены в четырехлетнюю Олимпиаду с тем, чтобы сформировать атлетический цикл. Спортивные состязания способствовали укреплению идеи панэллинского единства, а также общности языка, религии, культуры. Это было время, когда все мужчины Греции собирались вместе, а люди из соперничающих городов-государств объявляли перемирие. Идея мирного общего собрания на большом спортивном празднике повлияла на формирование представлений Пьера де Кубертена о путях возрождения Олимпийских игр: «Мир мог быть порожден только более совершенным обществом; а более совершенное общество могло быть создано только лучшими людьми; а лучшие люди могли сформироваться только в условиях стресса и напряжения активного состязания» [11].

Подобным образом драматические представления обнаруживают выраженный политический характер. Их организовывало Афинское государство, принимавшее активное участие в каждом этапе этого процесса. Место, которое занимал театр

Диониса, располагалось на южном склоне Акрополя, выше места гражданских собраний. Пространственный символизм очевиден, поскольку в театре Афинский *полис* реализует собственный созидательный миф, тем самым демонстрируя его незыблительную власть. Идеологический дискурс драмы V в. до н. э. определяется системой ценностей, которая либо явным образом отражена в комедии, либо ненавязчиво упоминается в трагедии в контексте «героической неопределенности». В свою очередь, театральные представления нацелены на укрепление у граждан чувства общности и их гражданской принадлежности. Тем не менее, в отличие от панэллинского аспекта спортивных состязаний, театр в этот период был преимущественно особенностью Афин, и лишь с IV в. до н. э. он начал распространяться за пределами полиса по всему греческому миру, таким образом приобретая всеобщий характер [23].

Литературные источники свидетельствуют о непрерывной постановке греческих пьес, по крайней мере, до конца II в. н. э., после чего проведение их постепенно прекратилось. Вследствие установления христианства из числа пьес, потерявших все шансы на существование в долгосрочной перспективе, сохранились только те, которые использовали в образовательных целях и включили в учебные программы школ того времени. Подобным образом и Олимпийские игры продолжали проводиться в античном мире до IV в. н. э. (а точнее до 393 г.), когда их, как и театральные представления, запретили в ранней Византии как элемент языческих традиций.

Поэтический жанр, в частности посвященный восхвалению атлетических достижений в Панэллинских играх, является прославляющей поэзией, которая достигла пика своего развития в V в. н. э. в одах Пиндара и Вакхилида [4]. К числу общих элементов этого жанра относятся, прежде всего, хорошее исполнение, переработка и изменение формы мифической традиции, а также исследование основных вопросов бытия, таких, как взаимоотношение между судьбой и волей человека. Обращения к спортивным идеалам в трагедии происходят в контексте восхваления или обличения. Печально известное поношение атлетов дошло до нас в фрагменте утраченной сатирической пьесы Еврипида «Автолик», где содержится кри-

тика общественных празднований в честь атлетов-победителей, которые, по мнению автора, не приносят никакой общественной пользы [18]. Эту точку зрения разделяет и Сократ в «Апологии Платона». В этой сатирической пьесе осуждается спортивная тренировка как сдерживающая от проявления доблестей на войне, а также благоразумия и справедливости в управлении домашним хозяйством и городом-государством. Точно так же Платон в «Республике» рассматривает чрезмерную заботу о теле как препятствие для практического проявления добродетелей.

Теперь обращусь к двум конкретным случаям упоминания атлетических состязаний в трагедии, источником которых являются фрагменты утерянных произведений Еврипида, дошедших до нас в записях на папирусе [3, 7, 8]. В «Гипсипиле» речь идет о том, как возникли Немейские игры. Гипсипила была дочерью владыки Лемноса и внучкой бога Диониса. Во время посещения острова аргонавтами она родила сыновей-близнецов Ясону, который забрал мальчиков с собой в Колхиду. Сбежав из Лемноса после ужасной трагедии, была захвачена и продана в качестве рабыни Ликургу, священнику сельского святилища Зевса в Немее, и стала нянькой его сына Офельта. Во время похода армии семи вождей аргивян на Фивы Гипсипила согласилась провести провидца аргивян Амфиарая к источнику, где он смог бы набрать свежей воды для жертвоприношения. На это время она оставила Офельта одного, из-за чего он погиб от укуса змеи. Мать ребенка хотела покарать служанку смертью, однако Амфиарай уговорил ее смириться с судьбой мальчика и убедил организовать погребальные игры по случаю смерти сына, которую он рассматривал как предзнаменование для отказа от похода на Фивы. Эти игры сохраняются впоследствии как Немейские, а мальчик заложит культ под именем Архемор («первый умерший»). Сыновья Гипсипилы принимают участие в играх, и в конце концов узнают свою мать, с которой они возвращаются в Лемнос.

Кроме упомянутой ритуальной функции погребальных игр, атлетические состязания выполняли также искупительную роль, связанную с потребностью искупления несвоевременной смерти. Основание регулярно проводимого спортивного действия было призвано дать выражение чувству вины,

особенно когда кто-то был прямо или косвенно повинен в смерти. Таким образом, ритуал устанавливался для умиротворения гнева мертвых и искупления вины живых.

Существует еще одна трагедия Еврипида, в которой упоминается о проведении погребальных атлетических состязаний, — «Александр» [16]. Когда родился Александр, «известный лучше как Парис», его мать Гекуба, жена владыки Трои, оставила его из-за зловещего сна, в котором ребенок принес бедствия в Трою. Он был воспитан пастухом, назвавшим его Парисом. Гекуба, оплакивающая своего оставленного ребенка, убедила Приама провести игры атлетов в его память. По прошествии двадцати лет мальчик, будучи пастухом, вырос, возмужал и принял участие в собственных погребальных играх. Его увенчали как победителя, что привело в бешенство Дейфоба, который не подозревал об истинном происхождении Париса и потребовал, чтобы Гекуба убила его. Нападение было предотвращено в самый последний момент благодаря прибытию приемного отца, вынужденного в такой ситуации открыть всю правду. Таким образом, Приам и Гекуба нашли своего давно потерянного сына, а Александр возвратился во дворец.

В этой пьесе, как и в «Гипсипиле», атлетические игры устраивали для искупления несвоевременной смерти. Горе Гекубы содержит элементы мифов о детях-героях: акцентирование траура, ритуализация материнской скорби, как в случаях Гекубы и матери Офельта, и учреждение атлетических состязаний во искупление вины.

Счет состязаний предположительно сохранился на папирусном свитке, который послужил основой для сюжета пьесы и был помещен в речь посыльного, описывающую победу Александра в играх [27]. Замечательные деяния, совершенные отвергнутым ребенком, в качестве средства демонстрации его превосходства — стандартный мотив в этом типе рассказа. В частности, тема победы в спортивном соревновании неоднократно появляется в средиземноморских легендах, в которых представлен образец истории отвергнутого героя. В гипотетических записях упоминается, что Александр победил в беге, пятиборье и еще одном виде состязаний, запись о котором очень неразборчива и который мог бы быть борьбой. Согласно Филострату,

пятиборье состояло из трех «простых» состязаний, а именно, забега на дистанцию один стадий, прыжков и метания копья, и двух «сложных» — метания диска и борьбы. Для победы в пятиборье участник должен был выиграть в трех видах состязаний из пяти.

Из перечисленных видов прыжки, метание копья и диска входили исключительно в состав пятиборья. Другие соревнования — по бегу, включая и состязания в ходьбе, а также борьба, бокс и панкратион — проводились отдельно. Например, у Софокла в трагедии «Электра» есть речь посланника, который передает ложное сообщение о гибели Ореста во время атлетических состязаний в Дельфах. В ней говорится о том, что Орест выиграл бег на один стадий, бег на дистанцию два стадия и пятиборье и погиб в детально описанной гонке колесниц.

В трагедии «Александр» нам также показано понятие зависти (*phthonos*), которой всегда подвержен успешный атлет и об опасности которой торжественно предупреждает победителя хвалебная поэзия. Так, Дейфоб не может принять своего поражения в состязании с пастухом Александром и его чувство обиды и негодования в ответ на победу пастуха в играх можно описать как *phthonos*. Как говорится в «Риторике» и «Никомаховой этике» Аристотеля, это чувство непосредственно связано с понятием статуса и предполагает возмущение, возникающее при посягательстве лиц с более низким социальным рангом на собственный высокий статус. Это — чувство недовольства людьми, которые поднимаются выше своего уровня, нарушая тем самым правила статуса в обществе с ярко выраженным классовым сознанием. Таким образом, Дейфоб возмущен посягательством на его высокий статус пастухом с гораздо более низким социальным рангом, который лишил его приза в играх, расцениваемых им в качестве законной привилегии и полноценной собственности.

В заключение, я надеюсь, что на примере отдельных фрагментов рассмотренных здесь трагедий мне удалось показать культурные, организационные и политические особенности, общие для театральных постановок и атлетических состязаний Древней Греции, а также тематическое и идеологическое взаимопроникновение спорта и драмы.

■ References

1. Adrados, F. R. (1975): Festival, Comedy and Tragedy (transl. C. Holme). Leiden
2. Ben-Ze'ev, A. (2003): 'Aristotle on Emotions towards the Fortune of Others', in D. Konstan – N. K. Rutter (eds) *Envy, Spite and Jealousy*, Edinburgh, 99–122
3. Bond, G. W. (1963): *Euripides: Hypsipyle*. Oxford
4. Bulman, P. (1992): *Phthonos in Pindar*. Berkeley and Los Angeles
5. Burckhardt, J. (1898-1902): *Griechische Kulturgeschichte* (ed. J. Oeri). Vols I–IV, Berlin and Stuttgart
6. Carter, D. M. (2007): *The Politics of Greek Tragedy*. Exeter
7. Cockle, W. E. H. (1987): *Euripides: Hypsipyle*. Rome
8. Coles, R. A. (1974): *A New Oxyrhynchus Papyrus: The Hypothesis to Euripides' Alexandros* (BICS Supp. 32). London
9. Crowther, N. B. (2007): *Sport in Ancient Times*. Connecticut
10. Currie, B. (2005): *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford
11. De Coubertin, P. (1967): *The Olympic Idea: Discourses and Essays*. Stuttgart
12. Espy, R. (1979): *The Politics of the Olympic Games*. Berkeley and Los Angeles
13. Euben, P. J. (1986): *Greek Tragedy and Political Theory*. Berkeley and Los Angeles
14. Goldhill, S. (1987): 'The Great Dionysia and Civic Ideology', *Journal of Hellenic Studies* 107, 58–76.
15. Jung, C. G., Kerényi, K. (1940): *Introduction to a Science of Mythology: The Myth of the Divine Child and the Mysteries of Eleusis*. London
16. Karamanou, I. (2011): 'The Hektor-Deiphobos Agon in Euripides' *Alexandros*', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 178, 35–47
17. Malwitz, A. (1987): 'Cult and Competition Locations at Olympia', in W. J. Raschke (ed.) *The Archaeology of the Olympics*. Madison, 79–109
18. Mangidis, I. (2003): *Euripides' Satyrspiel Autolykos*.
19. Mikalson, J. D. (2010): *Ancient Greek Religion*. Malden-Oxford
20. Otto, W. F. (1965): *Dionysus: Myth and Cult* (transl. R. B. Palmer). Bloomington
21. Pickard – Cambridge, A. (1968): *The Dramatic Festivals of Athens*. Oxford
22. Raubitschek, A. E. (1987): 'The Panhellenic Idea and the Olympic Games', in W. J. Raschke (ed.) *The Archaeology of the Olympics*. Madison, 35–37
23. Rehm, R. (1992): *Greek Tragic Theatre*. London
24. Rice, D. G. -Stambaugh, J. E. (1979): *Sources for the Study of Greek Religion*. Atlanta
25. Scott, M. (2010): *Delphi and Olympia: The Spatial Politics of Panhellenism in the Archaic and Classical Periods*. Cambridge
26. Sinn, U. (2000): *Olympia: Cult, Sport and Ancient Festival* (transl. T. Thornton). Princeton
27. Snell, B. (1937): *Euripides Alexandros und andere Strassburger Papyri mit Fragmentengriechischer Dichter* (Hermes Einzelschr. 5). Berlin
28. Spivey, N. (2004): *The Ancient Olympics*. Oxford Swaddling, J. (2002): *The Ancient Olympic Games*. Austin

Факультет театроведения, Университет Пелопоннеса, Греция

Поступила 15.09.2014